

Божественная битва может измениться тысячи раз за одно мгновение. Но даже сама Дева Серебряной Луны не ожидала, что за то короткое время, пока дождевые капли падали с небес, она потеряет власть над сновидением и окажется в невыгодном положении.

А ведь её противник являлся всего лишь семенем.

Семя — это младший бог, или, точнее говоря, существо, которое лишь должно было стать богом: ведь если всех богов можно уподобить деревьям, то семенами зовут тех, кто ещё не пророс.

Младший бог ещё не пробудил своей настоящей силы и не мог называться полноценным божеством. Если найти подходящий момент и слабое место — даже смертный мог убить его.

На самом деле, в древние времена, ещё до нового календаря, когда боги вели междоусобные войны, действительно существовало два-три таких младших бога, которые, не понимая происходящего, были убиты простыми людьми.

Когда младший бог погибает, скверна распространяется на огромные территории, создавая магические бури и рождая на свет бесчисленных демонов.

Люди, верившие, что, убив младшего бога, они получают сокровища, впадали затем в ужас и раскаяние — и Деве Серебряной Луны никогда не надоедало наблюдать за этим. Один из таких младших богов даже погиб по её вине — тогда она искусно соблазнила последователей этого юного божества, обратив их против него.

Позднее Шестеро Столпов нашли способ убивать младших богов, не вызывая скверны, но было уже поздно: эпоха великой войны подходила к концу, и новых младших богов больше не появлялось.

Так что Дева Серебряной Луны считала своё презрение к семени вполне обоснованным.

«Разве не сама судьба поднесла мне этот лакомый кусочек?»

Но как могла эта «закуска» осмелиться первой отобрать у неё власть над сновидением?

«Убью его. Верну силу снов».

Принять такое решение не требовало ни секунды раздумий — ведь Дева Серебряной Луны являлась тёмным богом, полностью подчинённым собственному желанию.

Она перестала поднимать волны и направила весь лунный свет на морское дно.

Дождь всё ещё шёл. Сегодня море было не таким глубоким, как обычно, и лунный свет свободно достигал раковин, лежащих на песке.

Некоторые из них пустовали, но в других скрывались настоящие сны, где рождались жемчужины.

Эти раковины принадлежали инквизиторам, до сих пор спящим внутри Большого запечатывающего ритуала.

Дева Серебряной Луны ещё сохраняла часть силы сна. Если бы она пожелала, то могла бы вложить безумие и ненасытные желания в эти сны — или превратить монстров из сновидений в кошмары, которые могли бы проникнуть в материальный мир.

Однако против того, кто уже овладел властью сна, это было бесполезно.

Её проекция не могла сражаться с семенем при помощи силы сна — ей следовало использовать власть собственной области.

Лунный свет коснулся песка, и почти сразу между волнами закачались пучки морских водорослей.

Они потянулись к окружающим раковинам, обвивая их мягкими листьями, стараясь закутать их, скрыть свет, исходящий от жемчужин.

И именно в этот момент...

Бах!

Раздался неожиданный выстрел пули святой крови.

Дева Серебряной Луны попыталась уклониться — ведь она больше не могла бесконечно черпать силу из останков Мелодии Раковины, и теперь смерть уже не казалась ей пустяком. Но Фельдграу Дуофюр во время выстрела без колебаний использовал «гарантированное попадание» — навык, который можно было активировать лишь ограниченное количество раз в день.

Ярко-алое сияние почти окрасило половину луны в кровь. Водоросли, которые держались лишь за счёт силы Девы, тут же ослабли и отпустили окружающие раковины.

Луна взглянула на апостола Близнецов Диссонанса.

Белоснежный дуофюрский птицелюд стоял на бурлящей водной глади.

Благословение позволяло ему ходить по воде, но ни в подземных реках, ни в озёрах, ни в неизведанных морях, известных лишь богам, он никогда не видел таких чудовищных волн.

Промокший с ног до головы, Фельдграу выглядел на редкость потрепанным.

Он без колебаний сбросил тяжёлое белое пальто, затем белый пиджак, обнажив под ним рубашку и перекрещённые на груди ремни патронташей.

Мокрая белая ткань, прилипшая к телу, только усиливала исходившую от него убийственную ауру. Его розовые глаза, в которых будто застыл лёд, смотрели через прицел прямо на Деву Серебряной Луны.

Как и раньше, она вовсе не считала этого апостола угрозой — точно так же, как и семя с серебряными глазами. Хотя... как вообще верховный инквизитор попал в это сновидение?

«Ах да, конечно. Это проделки того сереброглазого семени, не иначе».

Она не ожидала, что тот сумеет проникнуть сюда именно сейчас. Его настоящее тело должно было оставаться в центральном отделении Инквизиции Шпиневия, где проходил Большой запечатывающий ритуал. Даже сама её истинная сущность осталась заперта снаружи — как мог этот «новый бог» пролезть сквозь преграду?

«Нет... Возможно, всё же мог».

Зеркало — символ перехода между мирами. Для этого семени зеркало уже стало дверью в сердце и в сон.

А если зеркало — это дверь, то с точки зрения мистики, оно вполне могло служить вратами между измерениями.

Теоретически, он мог пройти сквозь печать. Если семя действовал осторожно, Мастер Адгезии вполне мог и не заметить.

«Что за идеальное зеркало, способное обходить печати и барьеры!» — Дева Серебряной Луны почувствовала, как внутри неё снова зашевелился голод.

Она хотела съесть его. Хотела... хотела... до безумия!

И даже если она не могла — нужно было хотя бы передать своему истинному телу весть: новый

властелин сновидений обладает такой силой!

Внезапно её облик потускнел — серебряная луна, висевшая под куполом кроваво-розового неба, исчезла.

Она решила сохранить остатки силы сна, чтобы унести с собой эти сведения.

В этот миг Фельдграу выстрелил снова.

На этот раз он даже не вложил в пулю способность «гарантированное попадание», но пуля святой крови всё равно поразила цель безошибочно.

Луна мигнула в волнах, окрасившись алым. Стоя на грани исчезновения, Дева Серебряной Луны взревела с горечью и яростью:

— Почему ты стреляешь только в меня?! Тебе что, тот маленький тёмный бог нравится больше?!

Сказав это, лунный свет угас в волнах.

Вместе с ним увяла вся морская растительность, покрывавшая дно.

— Фух, жуткие слова, — пробормотал Линь.

Не успел он договорить, как в его сторону полетела огненно-алая пуля: Око Зазеркалья только появился на гребне волны неподалёку от Фельдграу, как в следующий миг вместе с брызгами разлетелся вдребезги.

Он вновь возник на другой волне и выкрикнул:

— Постой! По... стой!

Бах!

— Послушай меня...

Бах!

— Я хочу...

Бах!

— Ответ хоть на один вопрос, ладно?! — закричал изо всех сил крошечный Линь, сидя на капельке воды величиной с горошину.

Фельдграу наконец прекратил стрелять.

Линь торопливо спросил:

— Как очистить магию от скверны?

— Достаточно очистить тебя самого, — равнодушно ответил Фельдграу. Он не стрелял только потому, что заряжал свой алый револьвер новой пулей — с чёрным наконечником и белой гильзой, способной поражать неосязаемое.

Линь с тревогой подумал:

«Ведь зеркало и мир за ним — два разных пространства... Наверное, пуля не сможет...»

Бах!

На этот раз Линь успел увернуться — он не рискнул ставить жизнь на удачу.

И только тогда ему пришло в голову: как вообще верховный инквизитор мог заметить его — на капельке воды размером с кунжутное зёрнышко?!

Линь понял, что сильно недооценил силу высших служителей... нет, сильно недооценил способности апостола.

Переместившись в сторону, он выбрал далёкую дождевую каплю и, используя лишь мысленную связь, постарался передать верховному инквизитору всё своё дружелюбие:

— «Как бы там ни было, ведь если я стану повелителем сновидений, это лучше, чем если бы им стала Дева Серебряной Луны, правда?»

Ответом ему стал направленный прямо на него ствол револьвера.

Линь никогда ещё не видел, чтобы на лице верховного инквизитора появлялось такое холодное, беспощадное выражение.

Он сказал Линю — а точнее, Оку Зазеркалья:

— Разницы нет.

Бах!

Прогремел выстрел — и мир вокруг Фельдграу стремительно переменялся.

После короткой вспышки темноты он вновь очутился в запечатанной комнате, где от некогда сложных узоров печати остались лишь контуры.

Фельдграу:

— ...

Даже у такого выдержанного человека на виске вздулась жилка. Но для божества, не желающего умереть, — вышвырнуть противника из сна было естественным поступком.

Верховный инквизитор Шпиневиля глубоко вдохнул и проверил оружие.

Как и раньше, в сон вошло лишь его сознание, а потому пальто и белый костюм по-прежнему были на нём — сухие и целые. Но вот пять пуль святой крови и две пробивные исчезли.

Значит, сон и реальный мир до сих пор находились в состоянии наложения — и всё же оставались различными.

Окинув взглядом помещение, он понял, что Моисей Гуппи не вернулся вместе с ним.

Он ошибся в расчётах. Перед входом Моисей произнёс молитву... Значит, апостол прежнего бога сна, возможно, уже давно сотрудничал с новым.

Фельдграу наклонился и поднял лежавшую на полу «Раковину».

Янтарь, в котором она хранилась, растрескался. Девять сотен лет «Раковина» оставалась почти нетронутой в смоле, но теперь рассыпалась в прах.

Когда Фельдграу коснулся осколков, облачко пыли поднялось в воздух и исчезло, словно сон, растворяясь в пустоте.

— ...

Глядя на ржаво-красный купол, Фельдграу не чувствовал головокружения — а теперь почувствовал.

Хотя многие инквизиторы Шпиневилля считали его всемогущим, даже он не мог убить всех врагов, что встречались на пути.

Но этот новый тёмный бог — с серебряными глазами — действительно ушёл из-под его руки. И теперь он станет врагом, способным повлиять на весь мир — на само существование человечества.

Причём он сбежал от него уже дважды.

С сегодняшнего дня каждый, кто будет входить в сон, подвергнется смертельной угрозе со стороны этого божества.

Неизбежно начнутся распространения скверны, множества демонов; и — один за другим — будут умирать люди, которые не должны были умереть...

«Что же делать?»

И ещё: Линь... Теперь, когда появился новый бог сновидений, исчезнет ли проклятие его левого глаза, наложенное Мелодией Раковины, или продолжит существовать дальше?

— Близнецы Диссонанса...

В зале, ставшем подобием руин, Фельдграу закрыл глаза и тихо произнёс молитву:

«Позволь мне защитить всех, кто дорог моему сердцу», — сказав это беззвучно, он медленно открыл глаза.

И хотя тревога клубилась в груди, как спутанные нити, он всё же надел привычную суровую, но спокойную маску — ту, что не пугала подчинённых, — и вышел наружу.

Во сне.

Омываемые волнами останки Мелодии Раковины постепенно рассыпались в прах. Даже огромная раковина, размером с остров, трескалась под ударами прибоя.

Сон, поддерживаемый этим скелетом, терял форму: небо и земля рушились, а сгущающаяся тьма накрывала всё вокруг.

Кораллы, анемоны, увядшие водоросли — всё это было лишь иллюзией сна, и, когда мрак приближался, они лопались, как мыльные пузыри, и исчезали.

Жемчужины выкатывались из раскрытых створок — и вслед за ними пропадали сами раковины.

Множество жемчужин катилось по мраку, их тусклый свет озарял крошечный уголок мира.

Линь появился на поверхности одной из жемчужин рядом с Моисеем, всё ещё в облике Ока Зазеркалья — только его левый, прежде серебряный глаз теперь сиял розовым жемчужным цветом.

Моисей взглянул на него и насмешливо произнёс:

— Что же ты теперь не говоришь, какой он красавчик?

Когда останки Мелодии Раковины окончательно рассыпались, этот русал перестал петь.

До появления Линя он лишь сидел, осунувшись, с пустыми глазами, никак не реагируя ни на сражение, ни на гибель проекции Девы Серебряной Луны.

Линь думал, что тот погрузился в транс, но, услышав ехидное приветствие, понял — Моисей обращал внимание на всё происходящее.

— Мистер Моисей, — устало сказал Линь, глядя с поверхности жемчужины, — значит, как только ты мной воспользовался, сразу решил, что уважение больше не нужно?

— Ты получил силу сна. Я тебе больше не нужен, верно? — махнул рукой Моисей, убедившись, что Линь не ранен. Он отвёл взгляд и добавил: — Отойди подальше. Зачем тревожить умирающего?

Линь немного помолчал и затем повторил:

— Умирающего, говоришь?..

— А разве нет? — спросил Моисей.

Линь не стал спорить. Вместо этого он произнёс:

— Во время моего последнего разговора с Мелодией Раковины она упомянула тебя.

Моисей не повернулся, лишь тяжело вздохнул и тихо прошептал имя:

— Мередис...

«Это истинное имя Мелодии Раковины?» — подумал Линь, затем спросил:

— Так что, мистер Моисей, не хочешь ли ты стать моим священником?

Моисей, до того погружённый в воспоминания, замер, потом резко фыркнул.

Он вскочил и раздражённо подошёл к жемчужине, где стоял крошечный Линь, будто собираясь швырнуть её прочь вместе с самим богом.

Но даже теперь в нём оставалось немного почтения к божеству — он не сделал этого.

— Эй, — сказал он, присев, — ты ведь уже получил власть сна, значит, можешь видеть правду. Ты ведь видишь, что я не настоящий Моисей Гуппи, а лишь образ, созданный в этом сне повелительницей, не так ли?

<http://bllate.org/book/12612/1119994>